

Вопрос об основании привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию истребуемых доказательств

Артём Константинович Скороходов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: stud0000234331@study.utmn.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в процессе отправления правосудия, а именно затрагивается вопрос уголовной ответственности за предоставление сфальсифицированных предметов и документов, предоставляемых суду лицами, не участвующими в деле, в ответ на судебный акт, которым такие документы истребуются судом с целью разрешения дела по существу. Актуальность данного вопроса обусловлена непрерывно растущим количеством дел, поступающих в суды Российской Федерации, в связи с чем возрастает риск возможности посягательства на общественные отношения, охраняемые главой 31 Уголовного кодекса РФ (УК РФ). Цель настоящей статьи — анализ признаков деяний, заключающихся в фальсификации доказательств по гражданским и административным делам в процессе предоставления сфальсифицированных доказательств в ответ на судебный акт об истребовании доказательств. Автором вынесено предложение по совершенствованию уголовного законодательства посредством расширения признаков специального субъекта исследуемого состава преступления посредством указания на лицо, предоставляющее суду доказательства на основании возложенной судом на такое лицо обязанности по их предоставлению. Также в статье рассматривается вопрос возможности квалификации исследуемых деяний в условиях действующего законодательства.

Ключевые слова: уголовное право, фальсификация доказательств, фальсификация предметов и документов, субъект фальсификации, уголовная ответственность, фальсификация доказательств по гражданским делам, совершенствование законодательства

Цитирование: Скороходов А. К. 2023. Вопрос об основании привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию истребуемых доказательств // Вест-

ник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 3. С. 161–175. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-161-175>

Поступила 30.03.2023; одобрена 06.06.2023; принята 21.08.2023

The question of the basis of criminal prosecution for falsification of the required evidence

Artyom K. Skorokhodov

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: stud0000234331@study.utmn.ru

Abstract. This article studies the development of the criminal law protection of public relations arising during the administration of justice, namely, the issue of criminal liability for the provision of falsified items and documents provided to the court by persons not involved in the case in response to the judicial act, to which such documents are requested by the court to resolve the case. The relevance of this issue lies in the constantly growing number of cases submitted to the RF courts, which in turn increases the possibility of encroachment on public relations protected by the chapter 31 of the RF Criminal Code. This article aims to analyze the evidence of falsification in civil and administrative cases in relation to acts committed in the process of providing falsified evidence in response to a judicial act seeking evidence. The author makes a proposal to improve the criminal law by expanding the characteristics of a special subject of falsification of evidence in civil and administrative cases by referring to a person providing evidence to the court based on the obligation imposed by the court on such a person to provide them. Additionally, the article considers the possibility of qualifying the studied acts in the conditions of the current legislation.

Keywords: criminal law, falsification of evidence, falsification of objects and documents, subject of falsification, criminal liability, falsification of evidence in civil cases, improvement of legislation

Citation: Skorokhodov, A. K. (2023). The question of the basis of criminal prosecution for falsification of the required evidence. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(3), 161–175. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-161-175>

Received Mar. 30, 2023; Reviewed Jun. 6, 2023; Accepted Aug. 21, 2023

Введение

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается большая нагрузка судебной системы, которая выражена в первую очередь в увеличении количества дел, находящихся в производстве. Например, как следует из данных, размещенных на официальном сайте Судебной статистики РФ, за 2021 г. судами общей юрисдикции рассмотрено 22 619 800 гражданских дел. Данная цифра превышает количество рассмотренных дел за 2020 г. на 1 846 444. Уже в 2022 г. количество гражданских дел, рассмотренных судами общей юрисдикции, составляет 25 092 732. Ситуация с ростом рассматриваемых судами общей юрисдикции дел аналогична и для арбитражного судопроизводства.

Тенденция роста количества разрешаемых судами дел требует особого внимания к соблюдению прав и законных интересов лиц, участвующих в деле, иных заинтересованных лиц, т. к. это гарантии, предусмотренные Конституцией РФ, и одна из основных целей правосудия. Уголовно-правовая охрана отношений, связанных с осуществлением правосудия, является одним из важнейших институтов, содействующих отправлению правосудия. Согласно структуре действующего УК РФ, уголовно-правовые нормы, расположенные в гл. 31 УК РФ, призваны осуществлять уголовно-правовую охрану общественных отношений, связанных с нормальным порядком осуществления правосудия.

Одним из объектов уголовно-правовой охраны выступает процессуальный порядок сбора и предоставления доказательств. В частности, такая охрана общественных отношений предусмотрена ч. 1 ст. 303 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за фальсификацию доказательств, в т. ч. по гражданским и административным делам.

Выход в свет Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» не в полной мере дает ответы на вопросы, возникающие в правоприменительной практике, в частности, об основаниях уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по гражданскому или административному делу лицом, предоставляющим истребуемые судом доказательства в случае, если такое лицо не выступает в качестве лица, участвующего в деле, или его представителя.

В связи с изложенным, повышается интерес к исследованию уголовно-правовой охраны интересов правосудия, в частности порядка представления и сбора доказательств.

Методы

В основе проведенного исследования были положены такие методы, как диалектический, системный и компаративистский (сравнительно-правовой), а также метод моделирования. Данные методы позволили провести исследование особенностей правового регулирования института истребования доказательств в гражданском, арбитражном и административном процессах, а также основания привлечения к уголовной ответственности лиц, предоставляющих сфальсифицированные доказательства в ответ на судебный акт об истребовании доказательств.

При помощи метода моделирования автором произведено предложение по совершенствованию законодательства в части уголовно-правовой охраны исследуемых обще-

ственных отношений, а также возможности их уголовно-правовой охраны в условиях действующего законодательства.

Результаты и обсуждение

Применительно к теме настоящей статьи стоит отметить, что одной из функций суда, реализуемой им при разрешении дела, является собирание доказательств, под которой понимается деятельность суда, а также иных участвующих в деле лиц, которая направлена на осуществление мероприятий по обеспечению достаточных для всестороннего и полного разрешения дела доказательств [Абушенко и др., 2017, с. 691].

Согласно ч. 1 ст. 6 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ч. 8 ст. 5 ФКЗ от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», ст. 7 ФКЗ от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» предусмотрена обязательность законных распоряжений, требований, поручений, вызовов и других обращений судов, а также мировых судей для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц, неукоснительное их исполнение на всей территории РФ.

Таким образом, суды с целью реализации своей функции по собиранию доказательств оказывают сторонам спора содействие, выражающееся в истребовании доказательств у физических лиц, организаций, государственных или муниципальных органов.

Так, в порядке гражданского судопроизводства, суд, руководствуясь положениями ст. 56 и 57 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), наделен правом на вынесение акта (как правило, именуемого «судебный запрос») для получения лицом, участвующим в деле, доказательств, либо же запросить необходимые доказательства непосредственно у лица, во владении которого находятся истребуемые сведения, выдает стороне обязательный для исполнения запрос для получения доказательств или запрашивает доказательства непосредственно.

Сходный порядок предусмотрен и ст. 66 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), однако, в отличие от гражданско-процессуального права, в данном случае законодателем определена форма «судебного запроса». Как следует из ч. 6 указанной статьи, арбитражный суд выносит соответствующий судебный акт в форме определения об истребовании доказательств, в котором определяет срок и порядок предоставления истребуемых доказательств.

В отношении административного судопроизводства действуют положения, дублирующие порядок истребования доказательств, изложенный в АПК РФ (ст. 63 КАС РФ).

Для арбитражного процесса характерно вынесение определения суда об истребовании доказательств, но при этом гражданско-процессуальное законодательство не уточняет формальное закрепление судебного акта об истребовании доказательств. Так, на практике, такие судебные акты именуются «судебный запрос», который адресуется лицу, у которого имеются (либо их наличие предполагается) доказательства, необходимые для разрешения гражданского дела.

Представленные выше полномочия суда возникают в силу того, что он не отстранен от сбора доказательств в полной мере, но и наделен правом содействия сторонам в их получении и в реализации их прав [Дзуматов, 2019].

Касаемо того, что суд содействует сторонам спора в собирании доказательств, свидетельствует и правовая позиция, отраженная Президиумом Верховного арбитражного суда РФ (ВАС РФ) при разрешении дела № А31-4210/2010-17410, которая заключается в том, что

«в силу закрепленного в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации принципа состязательности задача лиц, участвующих в деле, — собрать и представить в суд доказательства, подтверждающие их правовые позиции. Арбитражный суд не является самостоятельным субъектом собирания доказательств. Для обеспечения соблюдения принципов состязательности процесса и равенства сторон, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в отдельных случаях наделяет суд полномочиями по истребованию дополнительных доказательств как по ходатайству лица, участвующего в деле, так и по собственной инициативе. В частности, по своей инициативе судья вправе истребовать дополнительные доказательства при проверке достоверности заявления о фальсификации (ст. 161 АПК РФ)» [Постановление Президиума ВАС РФ, 2011].

При этом в доктрине нередко указывается на недопустимость самостоятельного сбора доказательств со стороны суда, поскольку это идет в противоречие с принципами равноправия и состязательности сторон [Соловьева, 2017, с. 62]. Стоит отметить, что это утверждение на практике применяется в ином направлении, поскольку вышестоящие судебные инстанции не усматривают нарушений принципов процессуального законодательства при использовании нижестоящими судами института истребования доказательств, который применяется судами, как общей юрисдикции, так и арбитражными, повсеместно [Апелляц. опр-ние Пензенск. обл. суда..., 2013].

Приведенные положения доктрины, процессуальных норм и правоприменительной практики свидетельствуют о том, что в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве присутствует наделение суда полномочиями по истребованию доказательств. При этом стоит отметить, что судебный акт, выносимый с целью истребования доказательств, может быть адресован не только к лицам, участвующим в деле. Наиболее часто к таким лицам, у которых судом истребуются доказательства, относятся государственные и муниципальные органы, однако нередко встречается и истребование доказательств у физических или юридических лиц.

Вероятно, законодатель наделил суд такой возможностью с целью обеспечения реализации прав участников процесса по доказыванию тех обстоятельств, на которые они ссылаются, в частности, в условиях, когда участник процесса не может самостоятельно получить необходимое для доказывания своих требований доказательство, поскольку круг субъектов, кому могут быть предоставлены определенные сведения, может быть ограничен.

Таким образом, истребование доказательств соответствующими органами, имеет важнейшее значение для правильного и всестороннего установления обстоятельств по делу и вынесения законного и обоснованного итогового решения. И в сложившейся

судебной практике наблюдается, что суды достаточно часто используют этот механизм при разрешении дел [Павленко, 2016].

При этом закон не требует от суда привлечения к участию в деле лица, у которого истребуются доказательства, но в то же время такое лицо имеет возможность (обязанность) предоставить суду сведения о фактах, на которых в последующем суд может судить о наличии или отсутствии того или иного имеющего для дела обстоятельства.

Процессуальным законодательством предусмотрена ответственность за неисполнение судебного акта, направленного на истребование доказательств. Так, с целью реализации полномочий суда по содействию сторонам в истребовании доказательств, процессуальным законодательством предусмотрена возможность наложения судебного штрафа на должностных лиц или граждан, не имеющих возможности представить истребуемые судом доказательства (ч. 3 ст. 57 ГПК РФ, ч. 9 ст. 66 АПК РФ, ч. 5 ст. 63 КАС РФ).

Однако данная мера ответственности предусмотрена лишь за неисполнение и (или) не уведомление суда, лицом, у которого истребуются доказательства, о невозможности исполнения судебного акта об истребовании доказательств. В то же время процессуальное законодательство не указывает на возможность наложения ответственности на лиц, представивших ответ на «судебный запрос», содержащий в себе недостоверные или сфальсифицированные сведения.

Безусловно, такие важные общественные отношения должны выступать в качестве объекта уголовно-правовой охраны. На мой взгляд, наиболее подходящей для охраны исследуемых правоотношений нормой выступает ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности».

Общественные отношения в сфере нормального порядка сбора и предоставления доказательств по гражданским и административным делам регулируются в ч. 1 ст. 303 УК РФ. Таким образом, для определения возможности квалификации фальсификации истребуемых судом доказательств по гражданским и административным делам необходимо установить наличие всех признаков данного состава преступления.

Выше упомянуто суждение относительно объекта уголовно-правовой охраны, на который производится посягательство при фальсификации доказательств. Однако необходимо разрешить вопрос предмета фальсификации. Для рассматриваемого случая характерна отсылка к положениям процессуального законодательства, регулирующему порядок доказывания.

Для определения предмета преступления, выраженного в фальсификации доказательств по гражданскому делу, в первую очередь следует обратиться к ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, из которой следует, что доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Вещественными доказательствами являются предметы, которые по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или по иным признакам могут служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела (ст. 73 ГПК РФ, ст. 76 АПК РФ).

Таким образом, для гражданских дел, рассматриваемым в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства имеется схожий перечень документов, прямо признаваемых законодателем в качестве доказательств. Кроме того, такие перечни, как для письменных, так и для вещественных доказательств, не являются исчерпывающими и приведенные выше правовые нормы подлежат расширительному толкованию.

Говоря об административном производстве, стоит отметить, что законодатель также относит к доказательствам сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела. Кроме того, в качестве доказательств могут выступать объяснения лиц, участвующих в деле, и показания свидетелей, полученные в т. ч. путем использования систем видеоконференцсвязи, системы веб-конференции, а также письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов (ст. 59 КАС РФ).

Как следует из анализа судебной практики, в частности Кассационного определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14.01.2021 № 88-3656/2021, ч. 1 ст. 55 ГПК РФ содержит закрытый перечень источников, из которых допускается получение сведений о фактах, имеющих значение для дела, согласно которой доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Безусловно, сведения, которые истребуются судом, независимости от того в гражданском, арбитражном или административном процессе они истребуются, являются доказательствами, поскольку ходатайства лица, участвующего в деле, об истребовании доказательств должно сдерживать в себе обоснование значения истребуемого предмета или документа для правильного разрешения конкретного гражданского или административного дела, а также необходимо обосновать невозможность самостоятельного предоставления этого доказательства в суд [О некоторых вопросах..., 2011].

Исходя из изложенного, сведения, предоставляемые суду в качестве доказательств при их истребовании у лица, владеющего ими, обладают статусом доказательств наряду с иными, предоставляемыми непосредственно лицами, участвующими в деле, предметами и документами.

Кроме того, прямым подтверждением того, что институт истребования доказательств должен относиться к предмету охраны ст. 303 УК РФ прямо говорит его наименование и основная цель — содействие сторонам в предоставлении доказательств. Таким образом, субъект «судебного запроса» предоставляет арбитражному суду или суду общей юрисдикции в ответ на определение об истребовании доказательств в установленном порядке и сроки сведения о фактах (либо об отсутствии фактов), что, является доказательством по гражданскому делу, а значит, подпадает под предмет регулирования ч. 1 ст. 303 УК РФ.

Однако стоит отметить, что в данной норме прямо указано на признаки специального субъекта состава преступления по фальсификации доказательств по гражданским и административным делам. Так, в качестве субъектов выделяются: лица, участвующие в деле, а также их представители. Таким образом, для разрешения вопроса относительно возможности привлечения лица, предоставляющего истребуемые судом доказательства, необходимо установить является ли оно лицом участвующим в деле, либо же его представителем, т. е. подпадает ли такое лицо под признаки субъекта фальсификации доказательств по гражданским или административным делам.

Поскольку понятие «специальный субъект» не является законодательно закрепленным, в настоящем исследовании под ним будет пониматься, по мнению автора, наиболее точное определение, данное В. В. Устименко. Под специальным субъектом преступления он предлагает понимать вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности и обладающее дополнительными признаками, указанными в уголовном законе, либо которые однозначно вытекают из его толкования, ограничивающими круг лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности по указанной норме [Устименко, 1989, с. 45].

Верное и полное определение признаков специального субъекта преступления в первую очередь необходимо для установления наличия или степени общественной опасности [Тарасова, 2007]. Также это влияет на правильную квалификацию деяний.

Исходя из непосредственного анализа ст. 34 ГПК РФ, к лицам, участвующим в деле, принято относить стороны, третьих лиц, прокурора, лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающих в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным ст. 4, 46 и 47 ГПК РФ, заявителей и других заинтересованных лиц по делам особого производств.

Из представленной нормы мы видим, что она также является бланкетной и отсылает к иным положениям ГПК РФ, которые регулируют правовое положение участников гражданского процесса.

Исходя из приведенных положений процессуального законодательства, можно сделать логичный вывод, что субъект «судебного запроса» не во всех случаях может являться лицом, участвующим в деле. Это суждение подтверждает и то, что в процессуальном законе нет императивного указания на то, что доказательства истребуются исключительно у лиц, участвующих в деле. Напротив, АПК РФ содержит указание на то, что «суд истребует соответствующее доказательство от лица, у которого оно находится».

В процессуальной науке, по моему мнению, при разрешении вопроса о субъектах гражданско-процессуальных правоотношений, стоит учесть мнение В. В. Яркова с коллегами, которые указывают на то, что

«все субъекты гражданского процессуального права по своей процессуальной роли, возможностям воздействия на ход гражданского процесса, по характеру заинтересованности в исходе дела делятся на три большие группы:
первая группа — суды, т. е. органы, осуществляющие правосудие в его различных формах;
вторая группа — лица, участвующие в деле;

третья группа — лица, привлекаемые к участию в деле для содействия в осуществлении правосудия» [Абушенко и др., 2017].

При этом Ярков и группа исследователей указывают на то, что к категории лиц, содействующих правосудию, стоит относить специалиста, эксперта, переводчика, свидетеля, переводчика, понятого и других лиц, которые, по его мнению,

«привлекаются в гражданский процесс по инициативе суда или лиц, участвующих в деле, для выполнения обязанностей по сообщению доказательственной информации по осуществлению иных обязанностей в гражданском процессе, необходимых для успешного разрешения спора и выполнения судом своих функций» [Абушенко и др., 2017].

Таким образом, исследователи предлагают нам достаточно широкий круг участников гражданского процесса, который может быть расширен любым количеством участников, которые так или иначе задействованы при рассмотрении дела. Руководствуясь данной точкой зрения, на мой взгляд, возможно отнесение субъекта «судебного запроса» к категории лиц, содействующих правосудию.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что лицо, которому судом адресован судебный акт, направленный на истребование доказательств, может быть отнесен к категории лиц, содействующих правосудию, а следовательно, и к лицам, участвующим в деле. Безусловно, включение адресата «судебного запроса» в категорию лиц, участвующих в деле, может означать и то, что такой адресат может являться субъектом состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ. Представленные выводы можно применить и в отношении гражданских дел, рассматриваемым в порядке арбитражного судопроизводства, а также и для административных дел.

Фальсификация сведений, содержащихся в ответе на «судебный запрос», на мой взгляд, является посягательством на интересы правосудия, а также может затрагивать права, свободы и законные интересы граждан, государства, государственных и муниципальных органов, организаций. Это обусловлено тем, что судебный акт, принимаемый по результатам рассмотрения дела, основывается на имеющихся в деле доказательствах, а значит, фальсификация доказательств, в т. ч. истребованных судом, может повлечь введение суда в заблуждение, а также может служить основанием для вынесения неправоудного судебного акта, что будет посягательством на конституционные и процессуальные права граждан.

При этом стоит обратить внимание на то, что, как было изложено ранее, не в каждом случае судом истребуются доказательства у лица, участвующими в деле. Поскольку такое требование может быть адресовано иному лицу, не являющемуся участнику процесса, то он не подпадает под признаки специального субъекта фальсификации доказательств.

Таким образом, представляется, что в настоящее время существует проблема уголовно-правовой охраны института истребования доказательств по делу, поскольку адресат «судебного запроса» не в каждом случае может быть субъектом уголовной ответственности по соответствующей части ст. 303 УК РФ. Из этого возникает вопрос возможности квалификации его действий по данной уголовно-правовой норме. Это связано с тем, что рассматриваемая уголовно-правовая норма регулирует общественные отношения по исполнению «судебного запроса» лишь в части, поскольку данная норма

не охватывает весь субъектный состав гражданско-процессуальных, арбитражно-процессуальных либо административно-процессуальных правоотношений.

Так, исходя из изложенного, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 303 УК РФ действия по предоставлению сфальсифицированных доказательств, истребуемых судом, только в том случае, когда такие доказательства предоставляются суду лицами участвующими в деле, либо их представителями. При этом остается неразрешенным вопрос относительно ответственности лиц, совершающих аналогичные деяния, но не являющихся лицами, участвующими в гражданском или административном деле.

Полагаю, что данный вопрос нуждается в законодательной проработке, однако необходимо разрешить вопрос квалификации исследуемых деяний в условиях действующего законодательства. В настоящее время, полагаю, уголовно-правовыми нормами, регулирующие схожие с исследуемыми общественные отношения, выступают ст. 292 и 327 УК РФ.

Касаемо возможности квалификации действий лица, предоставляющего суду сфальсифицированные истребуемые доказательства, по ст. 292 УК РФ следует отметить, что данной нормой предусматривается уголовная ответственность за служебный подлог, т. е. за внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности.

При этом указанной статьей предусмотрен специальный субъект — должностное лицо, государственный служащий или муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом. Таким образом, ст. 292 УК РФ может обеспечить лишь частичную уголовно-правовую охрану исследуемых общественных отношений и может касаться лишь ответственности специального субъекта, а также предмет посягательства данной статьи недостаточно широк для обеспечения максимальной эффективности уголовно-правовой охраны общественных отношений.

Кроме того, отдельно стоит отметить и предмет служебного подлога, под которым Верховный Суд РФ считает необходимым понимать официальный документ, удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей. К таким документам следует относить, в частности, листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля [О судебной практике..., 2013].

Объективная сторона служебного подлога, по мнению Верховного Суда РФ, понимается как

«отражение и (или) заверение заведомо не соответствующих действительности фактов как в уже существующих официальных документах (подчистка, дописка и др.), так и путем изготовления нового документа, в т. ч. с использованием бланка соответствующего документа» [О некоторых вопросах судеб. практи. по делам о прест-ниях..., 17.12.2020, № 43, п. 8].

Квалификация исследуемых деяний по указанной норме возможна в случаях, когда судом истребуются доказательства у государственных или муниципальных органов. Так, на практике судом нередко истребуются сведения из Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. При этом в случае, если должностным лицом будут внесены искажения в официальный документ, предоставляемый таким органом суду с целью исполнения судебного акта об истребовании доказательств, то, при условии, что данный орган не будет являться лицом, участвующим в деле, такие действия не могут содержать в себе признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ в виду ненадлежащего субъекта. В таком случае действия такого должностного лица подлежат квалификации по соответствующей части ст. 292 УК РФ.

При этом в случае, если в рассматриваемом примере Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии будет привлечена судом к участию в деле, то такое должностное лицо, полагаю, должно рассматриваться в качестве представителя в гражданском (административном) деле, а следовательно, аналогичное деяние следует рассматривать в качестве фальсификации доказательств по гражданскому (административному) делу и следовательно деяние подлежит квалификации по ч. 1 ст. 303 УК РФ.

Статья 327 УК РФ обеспечивает охрану общественных отношений в области установленного порядка обращения с официальными документами, штампами, бланками, печатями, а также права граждан. При этом, говоря о предмете данного состава преступления, следует отметить, что состав преступления, предусмотренный ст. 327 УК РФ, отсутствует, если подделан, изготовлен или был сбыт документ, который не предоставляет никаких прав и не освобождает от обязанностей, а равно документ, исходящий от частного лица, даже если он и заверен нотариусом, должностным лицом.

Также стоит обращать внимание на позицию Верховного Суда РФ касаясь предмета состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, под которым следует понимать, что к заведомо подложным документам относятся любые поддельные документы, удостоверяющие юридически значимые факты, за исключением поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (например, подложные гражданско-правовой договор, диагностическая карта транспортного средства) [О некоторых вопросах судеб. практи. по делам о прест-ниях ..., 2020].

Стоит отметить, что приведенные нормы (ст. 292 и 327 УК РФ) могут выступать в качестве общей и специальной норм, отличаясь друг от друга в признаках субъекта [Крюкова, Халиков, 2016, с. 73]. При этом следует отметить и разницу в предмете указанных составов преступлений.

Кроме того, из анализа приведенных выше уголовно-правовых норм можно сделать вывод, что возможность привлечения к уголовной ответственности за предоставление сфальсифицированных сведений в ответ на «судебный запрос» будет различной, в зависимости от субъекта. Так, в ряде случаев, представляется возможность квалификации указанного деяния по ст. 303 УК РФ. Данная квалификация имеет место быть в случае, когда лицо, которому адресован «судебный запрос», является лицом, участвующим в деле, например, ответчиком. Если такое нарушение будет допущено в рамках граж-

данского судопроизводства, то действия ответчика, предоставившего сфальсифицированные сведения в ответ на запрос суда, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 303 УК РФ.

Представляется возможным квалификация действий лица, предоставившего сфальсифицированные доказательства в ответ на судебный акт об истребовании у такого лица доказательств, по ч. 5 ст. 327 УК РФ. По моему мнению, приведенный подход не является верным, поскольку за совершение одного и того же деяния в зависимости от своего процессуального положения в соответствующем виде судопроизводства лица могут нести различную уголовно-правовую ответственность.

Более того, уголовный закон содержит специальную норму, предусматривающую ответственность за фальсификацию доказательств по гражданским и административным делам, а следовательно, поскольку действия вышеуказанных лиц направлены непосредственно на фальсификацию конкретных документов, содержащих в себе доказательственную информацию, а также последующее их предоставление суду, то такие лица в полном объеме выполняют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ.

Исходя из изложенного, представляется, что в настоящее время действующим уголовным законом предусматривается возможность привлечения к уголовной ответственности, фактически за одно и то же деяния, но по разным нормам УК РФ. Данная проблема возникает в силу недостаточной конкретизации ч. 1 ст. 303 УК РФ в части признаков субъекта, которые не охватывают всех лиц, обладающих как в гражданском, арбитражном, так и в административном процессе правом (а в определенных случаях — обязанностью) представления доказательств.

Заключение

Из вышесказанного можно сделать вывод, что правовое регулирование фальсификации доказательств по гражданским и административным делам не в полной мере охватывается соответствующей уголовно-правовой нормой, в результате чего образуется пробел в уголовно-правовой охране интересов правосудия.

На основе представленных в настоящей статье предложений по правоприменению, основанных на действующем законодательстве, представляется возможным осуществлять квалификацию фальсификации доказательств по гражданским и административным делам лицами, представляющими истребуемые судом доказательства, но при этом не являющимися лицами, участвующими в деле, либо их представителями, по соответствующим частям ст. 292 либо ст. 327 УК РФ.

Тем не менее считаю, что такое правовое регулирование исследуемых общественных отношений не является верным, поскольку указанные правовые нормы являются общими по отношению к ст. 303 УК РФ, и такие деяния по всем признакам, за исключением признаков субъекта, подпадают под признаки состава преступления по фальсификации доказательств. Полагаю, что разрешение данной проблемы возможно только посредством законодательного внесения изменений в положения Особенной части УК РФ. При этом квалификация исследуемых деяний по иным уголовно-правовым нормам, чем по ч. 1 ст. 303 УК РФ, может являться лишь временным методом, поскольку в условиях

действующего законодательства отсутствует иная возможность квалификации таких деяний в силу специфики субъектного состава.

На мой взгляд, для окончательного и бесспорного урегулирования вопроса об ответственности за фальсификацию истребуемых доказательств, а также с целью дифференциации уголовной ответственности за данное деяние, следует принять Федеральный закон, которым внести изменения в ч. 1 ст. 303 УК РФ посредством ее изложения в следующей редакции:

«Фальсификация доказательств по гражданскому, административному делу лицом, участвующим в деле, или его представителем, либо лицом, или его представителем, предоставляющим истребуемые судом доказательства, а равно фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу об административном правонарушении или его представителем, а равно фальсификация доказательств должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, либо должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, ...».

При этом объективная сторона преступления, совершаемого лицом, предоставляющим суду ответ на судебный запрос, будет также заключаться в предоставлении суду сфальсифицированных предметов или документов в качестве доказательств по гражданскому или административному делу. Субъективная сторона должна заключаться в виде прямого умысла, при этом, мотивы и цели совершения деяния не должны иметь квалифицирующего значения.

Включение данной уголовно-правовой нормы в УК РФ позволит обеспечить наиболее полную охрану интересов правосудия, а также защиту прав и законных интересов субъектов процессуальных правоотношений. К тому же это обеспечит возможность в равной мере привлекать к ответственности лиц, отвечающих на «судебный запрос», что также обеспечит принцип равенства всех перед законом и судом, гарантированный ст. 19 Конституции РФ. Считаю, что только внесение таких изменений позволит тем самым упорядочить охрану указанных выше общественных отношений путем обеспечения их уголовно-правовой охраны.

Список источников

- Абушенко Д. Б., Брановицкий К. А., Воложанин В. П., Дегтярев С. А. 2017. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юрид. учеб. Заведений / отв. ред. В. В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Статут. 702 с.
- Апелляционное определение Пензенского областного суда от 21 мая 2013 г. № 33-1017/2013 // СПС КонсультантПлюс.
- Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828>
- Дзумаев Ан-М. Дин-М. 2019. К вопросу об истребовании судом доказательств в гражданском процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. № 4. С. 113–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istrebovanii-sudom-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protseste> (дата обращения: 02.03.2023).

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990&rdk=>

Крюкова Н. И., Халиков Ф. З. 2016. Проблемы квалификации служебного подлога // Экономика. Право. Общество. № 1. С. 68–74.

О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43, п. 8 // СПС КонсультантПлюс.

О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 // СПС КонсультантПлюс.

О некоторых вопросах, возникающих в связи с принятием Федерального закона от 08.12.2011 № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам»: постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 59 // СПС КонсультантПлюс.

О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // СПС КонсультантПлюс.

О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589

Павленко К. А. 2016. Собираание доказательств: от гражданской процессуальной формы к административному судопроизводству // Вестник КРУ МВД России. № 1 (31). С. 138–142.

Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 окт. 2011 г. № 6616/11 по делу № А31-4210/2010-1741 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

Соловьева Т. В. 2017. К вопросу о добросовестном поведении в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. № 4. С. 62–78.

Тарасова Ю. В. 2007. Специальный субъект преступления как элемент основных составов преступлений // Российский следователь. № 5. С. 24

Устименко В. В. 1989. Специальный субъект преступления. Харьков, Виша шк. 104 с.

References

Abushenko, D. B., Branovitsky, K. L., Volozhanin, V. P., & Degtyarev, S. L. (2017). *Civil Procedure: A Textbook for Students of Higher Judicial Educational Institutions* (V. V. Yarkov, Ed.). 10th ed. Statut. [In Russian]

Penza Regional Court Appeal Ruling, No. 33-1017/2013 (2013). [In Russian]

RF Civil Procedure Code: *RF Code of 14.11.2002 No. 138-FZ*. Retrieved from <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> [In Russian]

- Dzumатов, An-M. Din-M. 2019. On the issue of the court seeking evidence in a civil process. *Legal Bulletin of Dagestan State University*, (4), 112–117. Retrieved Mar. 2, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istrebovanii-sudom-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse> [In Russian]
- RF Code of Administrative Proceedings: *RF Code of 08.03.2015 No. 21-FZ*. Retrieved from <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990&rdk=> [In Russian]
- Kryukova, N. I., & Khalikov, F. Z. (2016). Problems of qualification of an official forgery. *Economics. Right. Society*, (1), 68–74. [In Russian]
- On some issues of judicial practice in cases of crimes under the articles 324–327.1 of the RF Criminal Code, *RF Supreme Court Plenum Resolution, No. 43, para. 8* (2020). [In Russian]
- On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes against justice, *RF Supreme Court Plenum Resolution, No. 20* (2022). [In Russian]
- On some issues arising in connection with the adoption of the Federal Law of Dec. 8, 2011 No. 422-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Creation of the Court of Intellectual Rights in the System of Arbitration Courts,” *RF Supreme Court Plenum Resolution, No. 59* (2012). [In Russian]
- On courts of general jurisdiction in the Russian Federation, *RF Constitutional Law of 07.02.2011 No. 1-FKZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 2011, (7). 898*. [In Russian]
- On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes, *RF Supreme Court Plenum Resolution, No. 24* (2013). [In Russian]
- On the judicial system of the Russian Federation, *RF Constitutional Law of 31.12.1996 No. 1-FKZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 1997, (1), 1*. [In Russian]
- About arbitration courts in the Russian Federation, *RF Constitutional Law of 28.04.1995 No. 1-FKZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 1995, (8), 1589*. [In Russian]
- Pavlenko, K. A. (2016). Collection of evidence: from civil procedural form to administrative proceedings. *Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (1), 138–142. [In Russian]
- RF Supreme Arbitration Court Presidium Resolution No. 6616/11 in case No. A31-4210/2010-1741 (2012). *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, (1). [In Russian]
- Solovyova, T. V. (2017). On the issue of good conduct in civil proceedings. *Bulletin of the Civil Process*, (4), 62–78. [In Russian]
- Tarasova, Yu. V. (2007). Special subject of crime as an element of the main corpus delicti. *Rossiyskiy sledovatel*, (5), 24. [In Russian]
- Ustimenko, V. V. (1989). *Special Subject of Crime*. Visha shk. [In Russian]

Информация об авторе

Артем Константинович Скороходов, аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000234331@study.utmn.ru; <https://orcid.com/0000-0003-3766-8488>

Information about the author

Artyom K. Skorokhodov, Postgraduate Student, Department of Criminal Law Disciplines, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000234331@study.utmn.ru; <https://orcid.com/0000-0003-3766-8488>